

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

На правах рукописи

ОРЛОВ Владимир Викторович

**МОНАРХИЯ И ИСЛАМ
В АЛАУИТСКОМ МАРОККО:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(XVII – начало XXI в.)**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва • 2013

Работа выполнена на кафедре истории стран Ближнего и Среднего Востока
Института стран Азии и Африки
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Роберт Григорьевич ЛАНДА

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новой и Новейшей истории исторического факультета Московского педагогического государственного университета
Александр Мануэлевич РОДРИГЕС-ФЕРНАНДЕС

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН
Анатолий Дмитриевич САВАТЕЕВ

Ведущее учреждение: Российский университет дружбы народов

Защита диссертации состоится « » _____ 2013 г. в « » часов на заседании Диссертационного совета Д 501.002.04 Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119192, г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27.

Автореферат разослан « » _____ 2013 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат исторических наук

М. А. Сюннерберг

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. Марокко (Дальний Магриб) – одна из немногих арабских стран, имеющих более чем тысячелетнюю непрерывную монархическую традицию. Форма правления, типы общественного сознания и механизмы реализации власти, сложившиеся в Дальнем Магрибе на протяжении XVI–XIX вв., заметно отличались как от модели османской метрополии, так и от ее ближневосточных провинциальных вариантов. Эта часть арабского мира не подвергалась османскому завоеванию и никогда не признавала даже формальной зависимости от османского правительства (Порты). Не меньшую роль в создании оригинальной политической системы Марокко сыграли природно-климатические и этнокультурные факторы, с глубокой древности обусловившие на северо-западе Африки разнообразие типов хозяйствования, дробность традиционной социальной организации, этническую и культурную пестроту населения и мозаичность лингвистической карты. Наконец, в своей истории Марокко – единственная арабская страна, побережье которой омывается атлантическими и средиземноморскими водами, – неизменно играло роль перекрестка, соединяющего Европу с Африкой, арабо-мусульманский мир с христианским и афро-негроидным, арабские этносоциальные традиции с берберскими.

Все эти обстоятельства вкупе с устойчивостью, гибкостью и высокой адаптивностью государственных институтов позволили исламской монархии сохранить свой авторитет в марокканском обществе не только на излете Средних веков, но и в Новое, а также в Новейшее время. Хотя правление шерифских (происходящих от пророка Мухаммада) династий Сааидов (1511–1659 гг.) и Алауитов (с 1631 г.) в значительной части пришлось на эпоху господства патриархального уклада, шерифская монархия сохранила свои позиции и после деформации племенных структур в период европейского протектората (1912–1956 гг.). С 1956 г. Марокко возобновило султанскую (с 1957 г. королевскую) властную традицию – халифскую по сути, но заимствовавшую атрибуты конституционной демократии. Своеобразие партийно-политической системы королевства связано и с конституционным запретом однопартийности. С первых лет независимости в стране действует

множество партий и движений, находящихся в сложной сети взаимосвязей с престолом, что также ставит Марокко особняком в арабском мире.

Истоки функциональности и жизнестойкости марокканской монархии, равно как и ее способность проводить решительные перемены без видимых социальных потерь или разрушения легитимности представляют большой интерес для исследователя. Они не могут быть поняты вне связи с центральной духовно-религиозной традицией Магриба – исламской. С первых десятилетий султаната Алауитов ему были присущи сложные и противоречивые взаимоотношения с местными харизматическими лидерами – почитаемыми священными персонажами (*мурабитами*), наставниками суфийских обителей (*завий*) и братств (*турук*). На протяжении XVI–XIX вв. институты «народного» ислама то укрепляли позиции шерифской власти, то выступали ее деятельными конкурентами. В XX и начале XXI столетия алауитская монархия заняла главенствующие позиции в марокканском обществе, оформилась в конституционных пределах, обрела новые возможности для контроля исламских институтов и монополизации исламских ценностей. Однако в Марокко растут и ряды идейных соперников алауитского трона (особенно исламистских партий), стремящихся задействовать в свою пользу авторитет исламского вероучения в сферах межнациональных отношений, образования, культуры, внутренней и международной политики.

Научная актуальность изучения взаимодействия монархии и исламских институтов Марокко в XVII – начале XXI в. существенна с трех точек зрения. Во-первых, обращение к анализу процессов, протекавших в доколониальном марокканском обществе, создает условия для всестороннего понимания форм духовно-политической жизни арабского мира традиционного периода. Еще недавно в востоковедной среде преобладало стереотипное суждение о том, что XVII–XVIII вв. следует расценивать как фазу наибольшего упадка Ближнего Востока и Северной Африки. Лишь в последние десятилетия российские и зарубежные историки-востоковеды поставили XVII–XVIII вв. в центр своего внимания и предприняли усилия по изучению этой эпохи. Опыт подобных изысканий наглядно показывает несостоятельность тезиса о декадансе ближневосточных и североафриканских обществ в этот период. Глубокое изучение политической истории арабской периферии в XVII–XVIII вв., а также расширение проблематики изысканий

в пользу социальных и духовно-культурных сюжетов тем более позволяют отвергнуть подобный безоговорочный пессимизм.

Во-вторых, данная работа находится в русле исследований, направленных на выявление региональной специфики в предколониальном и колониальном прошлом Магриба. Социальные и политические реалии Шерифской империи XVII – начала XX в. демонстрируют множество отличий от ситуации, сложившейся в османской метрополии и ее арабских провинциях. В первую очередь, это относится к природе, взаимоотношениям и функциям государственных институтов, объективному содержанию концепций власти, используемых правителями, а также к степени патриархальности теократического строя и роли племенных традиций в становлении и деятельности государства. Изучение колониального периода марокканской истории (1912–1956 гг.) также дает возможность сопоставить происходившие в Магрибе общественные и политические процессы с аналогичными явлениями в странах Ближнего Востока. Это, в свою очередь, способствует более полной и точной оценке духовно-идейной реакции населения стран ислама на европейское присутствие.

В-третьих, указанные темы значимы для комплексной характеристики постколониального Марокко и оценки перспектив его модернизации. Марокко и сегодня сохраняет монархическую форму правления, институты монархии занимают ключевое место в его государственно-правовой системе, а принадлежащая королю светская и духовная власть имеет исключительно важное значение и закреплена в конституции страны. Нынешние законодательные инициативы Мухаммада VI (принятие конституции 2011 г., развитие многопартийности, пересмотр Семейного кодекса, правозащитная деятельность трона) заставляют по-новому взглянуть и на опыт исламского реформаторства в Марокко, особенно на итоги деятельности салафитов-националистов в 20–30-х годах XX в. или на идейные новации султанов XVIII–XIX вв. – Сиди Мухаммада ибн Абдаллаха и Мулай Сулаймана. Политическая стратегия, предусматривающая роль монархии как общественного арбитра и гаранта безопасности, уверенно прослеживается в истории Марокко на протяжении последних четырех столетий. В этой связи обращение к социальным, духовным и идеологическим аспектам марокканской истории также представляется актуальным.

Хронологические рамки исследования соотносятся с периодом становления и правления Алаутской династии – с начала XVII в. по настоящее время. Выбор этого почти четырехсотлетнего периода для изучения определяется тем, что в истории Марокко наблюдается высокая степень преемственности во взаимоотношениях исламских учреждений и шерифской власти. Поэтому диссертант считает своей ключевой задачей уяснение «связи времен» в эволюции духовно-политического комплекса Дальнего Магриба. Кроме того, выбор хронологических рамок был продиктован исторической длительностью формирования взглядов, идей, социальной практики и правосознания общества Дальнего Магриба. Наследуя духовно-политический опыт племенных династий средневековья, шерифские султаны – Сааиды и Алауты – на протяжении XVI и XVII вв. выстроили административно-политические формы слабоцентрализованной государственности. Сходную длительность исторической реализации имеют и учения Джазулийи, Дила'ийи, Кадирийи и других суфийских «путей», не раз игравшие в истории Дальнего Магриба роль альтернативных проектов государство-строительства. Эти и другие аспекты изучаемой тематики в принципе не могут быть рассмотрены на примере ряда десятилетий или одного столетия. Наоборот, исследование эволюции общественно-политических представлений, ценностей и мировоззрения шерифских элит и их оппонентов требует от историка обращения к понятию «длительной временной протяженности» (*la longue durée*), разработанному Ф. Бродемом.

Цель диссертационной работы состоит в том, чтобы дать целостную и комплексную характеристику взаимного воздействия алаутского государства и исламских институтов, а также оценить степень и направления их влияния на духовно-политическую атмосферу в марокканском обществе XVII – начала XXI в. Эти феномены не сводятся лишь к религиозной политике государства или динамике противоборства и сотрудничества сторон, но заключают в себе традиционные средства и методы легитимации шерифского правления, исторически сложившиеся в Дальнем Магрибе подходы к власти и авторитету, модели политического поведения и идейные ориентации религиозных деятелей и сановников. Обращение к этим явлениям, в свою очередь, невозможно без исследования форм культовой и общественной деятельности исламских институтов Марокко, а также основ их функционирования в условиях патриархальной

ционирования в условиях патриархальной теократии, колонизируемого общества и современной конституционной монархии. Наконец, упомянутая проблематика естественно вовлекает в сферу исследовательского интереса характеристики общественных структур Дальнего Магриба, формы семейных отношений, типы общественного сознания в городской, сельской и кочевой среде. Подобное понимание взаимодействия монархии и исламских структур предопределяет равный интерес как к общественным, так и религиозно-политическим сюжетам, а также формирует круг основных **задач** и направлений исследования:

- определить общие и специфические черты религиозных представлений, бытовавших в марокканском обществе XVII–XIX вв., дать понятие о социально-демографическом контексте их эволюции и прояснить степень влияния исламских норм на политическое развитие Дальнего Магриба;
- выявить конкретно-исторические причины, формы и динамику политической активизации исламских институтов на протяжении указанного периода, выделить причины и направления преобразования религиозных объединений в партийные в XX – начале XXI в., показать пути и способы их воздействия на идеологию различных общественных слоев;
- проанализировать соотношение духовного и военно-организационного элементов в шерифской модели государства, рассмотреть его традиционные и современные политические технологии, раскрыть причины стратегической стабильности власти в Шерифской империи;
- прояснить социально-культурные позиции и содержание корпоративных интересов служителей «официального» и «неофициального» ислама в традиционную, колониальную и постколониальную эпохи, показать формы и степень их участия в общественной жизни, вскрыть религиозно обусловленные механизмы, служащие для консолидации марокканского общества и сохранения его самоотождествления;
- дать характеристику феноменов божественной благодати (*бараки*) и клятвы верности (*бай'а*) как факторов сотрудничества и соперничества монархии с институтами ислама, оценить адаптационные способности исламско-монархического симбиоза при столкновении с кризисами в традиционный, предколониальный и колониальный периоды;

- уточнить роль и место салафитской идеологии и вдохновленных ею политических проектов в истории Марокко, осветить соотношение усилий государства и проявлений фундаменталистского протеста – как в идейно-теологической, так и в практически-политической сфере;
- проследить тенденции и закономерности участия марокканских служителей ислама в антииностранных и освободительных движениях, а также оценить влияние их инициатив на отношения монархии с обществом;
- показать принципы взаимодействия монархии, исламских институтов, партий и неправительственных организаций в условиях современной многопартийной политической системы и конституционных реформ.

Обращаясь к теме, предложенной в заглавии диссертации, автор не претендует на исчерпывающий анализ всех ее специальных вопросов и смежных проблем. Подобная задача едва ли выполнима в рамках одного исследования. Поскольку в фокусе внимания находится религиозно-политическая ситуация в Дальнем Магрибе (Марокко), то ряд значимых сфер жизни марокканского общества (внешнеполитический курс Алауитов, экономическое состояние страны и т. д.) намечены в работе лишь в общих чертах. Другие же аспекты марокканской истории (политика администраций протектората, динамика развертывания колонизации и освободительных движений, характер урбанизации и ее социально-культурные последствия, эволюция конституционного строя и законодательства, ход партийно-политического строительства и др.) рассматриваются в работе только в своих узловых, критических этапах и привлекаются к разработке темы не на правах специального объекта исследования, а в той мере, в какой они способствуют решению главной задачи.

Главными **объектами диссертационного исследования** являются традиционные, колониальные и постколониальные политико-административные механизмы, сложившиеся в Дальнем Магрибе (Марокко) под эгидой шерифской монархии Алауитов, а также исторически возникшая в этой стране система исламских институтов, включающая официально признанный и финансово поддерживаемый государством корпус богословов и законоведов (*алимов*), автономные суфийские обители (*завийи*), а также мистические братства и культовые центры местных святых.

В качестве **предмета исследования** выступает комплекс взаимоотношений между монархией и исламскими институтами, взятый как в исторической ретроспекции на протяжении четырех столетий, так и на современном этапе. В диссертации рассматриваются процессы становления монархических и религиозных учреждений, присущие шерифской династии способы легитимации власти, методы влияния обеих сторон на различные общественные силы, а также факторы, обусловившие как сотрудничество, так и соперничество алауитского государства и исламских структур. Особое внимание обращается на феномен оппозиции исламских ассоциаций Марокко инициативам и реформам алауитской власти – от стихийного военно-политического противоборства завий и султанов (XVII–XIX вв.) до фундаменталистской критики монархии как религиозно мотивированного типа политического сознания (XX – начало XXI столетия).

Научная новизна и оригинальность диссертации состоит в том, что она представляет собой первое в отечественной и зарубежной историографии полномасштабное обобщающее исследование религиозно-политического развития Марокко на всем протяжении правления Алауитской династии. В работе рассматривается малоизученный комплекс проблем легитимности шерифской власти. Работа написана на основании широкого круга источников (в том числе исследованных диссертантом документов марокканских архивов), часть которых впервые вводится в научный оборот или же они слабо изучены в мировом магрибоведении. Исследование заявленного комплекса проблем впервые проведено в сопоставлении традиционных реалий Шерифской империи с османской социально-политической действительностью. Рассмотрение шерифской государственности в данной работе параллельно организовано на двух уровнях (концептуальном и институциональном), что ранее не практиковалось в историографии Магриба; этому же принципу подчинена и систематизация материала источников.

Научно-практическая значимость диссертации заключается в том, что ее теоретические положения и оценки могут быть привлечены для дальнейшего исследования религиозно-политической эволюции Марокко и стран Магриба в Новое и Новейшее время или же использованы при разработке общих проблем истории арабо-мусульманского мира. Содержащийся в диссертации фактический и документальный материал находит применение

ние в разработке учебных курсов, программ и пособий для студентов вузов востоковедного профиля и исторических факультетов университетов, изучающих историю Ближнего Востока и Северной Африки. Также они необходимы для подготовки соответствующих программ, учебников и учебных пособий, составления справочных и энциклопедических изданий. Сделанные в работе констатации и выводы могут быть использованы государственными учреждениями и ведомствами РФ, осуществляющими политико-дипломатические и культурные контакты со странами Северной Африки, а также общественными организациями в России и за рубежом.

Теоретико-методологические основы диссертации предопределяются многоплановостью ее проблематики и широким хронологическим диапазоном. Методология работы опирается на необходимые для всякого исторического исследования принципы анализа и сопоставления типологически различных источников:

1) комплексность, т. е. учет всей совокупности информации, извлекаемой из источниковых текстов по анализируемым вопросам, при параллельном изучении особенностей и характеристик самих источников;

2) системность, т. е. восприятие объекта исследования как целостной общности с присущими ей закономерностями функционирования и развития, в которой свойства целого несводимы к сумме свойств частей;

3) связность исторического времени, т. е. осознание того, что ни генезис любого общественного феномена, ни его современные функции не могут привлекаться для объяснения его эволюции отдельно друг от друга.

Сюда же следует отнести принцип историзма (рассмотрения и оценки явлений в ретроспективном контексте), а также общегуманитарные методы и инструменты (анализ, синтез, обобщение, дедукция, аналогия, экстраполяция и др.). При реконструкции событийной канвы применялись сравнительно-исторический и историко-генетический методы исследования.

Тематика исследования подразумевает обращение не только к социально-политическим процессам прошлого, но и к идейным ориентациям, ценностным установкам и мировосприятию как элиты, так и масс населения Дальнего Магриба (Марокко). Это обстоятельство вовлекает в методологическую орбиту диссертации подходы, свойственные современным общественно-научным дисциплинам: этнографии, психологии, географии, рели-

гиоведению, культурологии, социоантропологии, политологии и др. Однако данная работа никоим образом не может считаться культурологической, политологической или социоантропологической. Речь идет только о комплексности подхода, поскольку в центре исследовательского интереса остаются исторические пути развития избранного для изучения феномена.

Работы, выступившие в качестве общетеоретической базы диссертации, можно разделить на четыре группы. Первую из них составляют исследования отечественных и зарубежных ученых, разрабатывавших философские и методологические основы истории как науки об общественном развитии. В плане общей методологии автор следует тем направлениям в историографии, которые предполагают отказ от объяснения исторических и социальных процессов односторонним акцентом на якобы детерминирующее значение некоего «решающего звена» или «базиса» – будь он экономическим, политическим или духовно-культурным. Диссертанту близки концепция многофакторного анализа (П. А. Сорокин), концепция тотальной истории (школа «Анналов») и идея социального поля (П. Бурдьё) как арены взаимодействия политических, культурно-исторических, религиозных, психологических и др. факторов. В своих исследованиях диссертант придерживается системного подхода к исследованию общественно-исторических явлений. Теоретические изыскания в этом направлении связаны с разработками Т. Парсонса, Р. К. Мертона, М. А. Барга, З. И. Левина.

Ко второй группе общетеоретических трудов относятся работы, интерпретирующие факторы взаимосвязи религии и государственных институтов. При выработке своей теоретической ориентации и категорий данного исследования автор руководствовался в первую очередь выдвинутым М. Вебером положением о чистых типах господства и харизме как основе легитимации властных полномочий, а также сходством и противоположностью между традиционным и харизматическим типами лидерства. Диссертантом принимались во внимание предложенная М. Вебером типология мотивационных начал в религиях (ритуалистически-культовое, аскетически-деятельное, интеллектуально-догматическое) и разработанная им классификация духовных комплексов по отношению к миру, в которой от степени приятия/отрицания мира зависит отношение религиозной этики к политике (и вообще к власти и насилию) в соответствующем обществе.

Третья группа общетеоретических трудов, повлиявших на методологические ориентиры диссертанта, включает сочинения отечественных и зарубежных историков и религиоведов, обращавшихся к изучению «истории ментальности», или основополагающих категорий культуры, характеризующих мировосприятие традиционного общества. Это исследования А. Я. Гуревича, М. М. Бахтина, Ж. Ле Гоффа, Й. Хёйзинги, М. Элиаде. Выдвинутые ими методологические построения предполагают, что исторические эпохи различаются не только по типам хозяйственной деятельности или формам социально-политической организации, но и по образу мышления и восприятия населением ключевых аспектов бытия (пространство, время, общество и его деление), что требует от историка осознания внутреннего мира и системы религиозных и этических понятий людей изучаемой эпохи.

В четвертую группу работ, организующих теоретическую основу диссертации, объединяются труды историков, в которых содержатся как общие положения, так и конкретные оценки, относящиеся к историческому развитию Ближнего Востока и Северной Африки. На теоретическую ориентацию диссертанта повлияли концептуальные построения российских и зарубежных исламоведов, философов и историков: Ф. М. Ацамба, В. В. Бартольда, М. Ф. Видясовой, Н. Н. Дьякова, Н. А. Иванова, Н. С. Кирабаева, С. А. Кириллиной, Ю. М. Кобищанова, Р. Г. Ланды, В. Б. Луцкого, М. С. Мейера, М. Б. Пиотровского, А. М. Родригеса, И. М. Смилянской; М. Брэтта, Э. Бёрка, М. Камо, В. Корнелла, К. Гирца, Э. Геллнера, М. Гилсенана, М. Ходжсона, Э. Лэмбтон, Г. Мансона; Абдаллаха ал-Хаммуди, Абд ал-Кабира ал-Хатиби, Абдаллаха ал-Арви. При анализе деятельности служителей ислама автор учел сформулированные в работах этих авторов подходы к специфике исламских институтов и власти в рабо-мусульманском мире.

Основой для решения задач, поставленных при разработке избранной темы, явилось тщательное изучение широкого круга **первоисточников**, которые возможно подразделить на восемь основных групп.

Первую группу источников представляют архивные документы и материалы. Среди зарубежных архивных источников особо значимы вводимые в научный оборот документы Центра алауитских исследований, расположенного в г. Рисани в оазисном крае Тафилалет (Марокко) – на исторической родине Алауитской династии. В ходе работы в архиве ЦАИ дис-

сертанту удалось скопировать 157 единиц хранения, относящихся к 1656–1904 гг. Они включают султанские указы (*дахирь*) о предоставлении налоговых льгот служителям ислама, распоряжения о вспомоществовании шерифам, ремонте и реставрации культовых зданий, переписку с наместниками и религиозными деятелями по финансовым и политическим вопросам.

Второй по важности корпус марокканских архивных материалов был изучен диссертантом в рукописном фонде Публичной библиотеки г. Рабат. Это полемические трактаты, наставления, воспоминания и агиографические сочинения законоведов и суфийских шейхов XVIII – начала XX в. Эти манускрипты содержат мнения и оценки ученых мужей по широкому кругу проблем. В эту же группу источников входят архивные материалы, опубликованные в Западной Европе и в России. Издание европейских архивных документов XVI–XVIII вв. по Дальнему Магрибу предпринималось в рамках серийного 26-томного проекта «Неизданные источники по истории Марокко» («*Les sources inédites de l'histoire du Maroc*») французскими историками А. де Кастрисом, П. де Женивалем, Ф. де Коссэ-Бриссаком, Р. Рикаром, Ш. де ла Веронн. Другой важный источник – консульские донесения из Марокко французского дипломата Л. де Шенье (1767–1773 и 1775–1782 гг.). Ключевой публикацией отечественных архивных материалов следует считать изданный Н. П. Подгорновой сборник «Россия–Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916)». В нем представлены документы и материалы Архива внешней политики Российской империи МИД РФ, имеющие отношение к Марокко.

Во **вторую группу** источников собраны арабоязычные летописные своды. Они принадлежат главным образом алауитским хронистам XVIII–XIX вв. Среди исторических хроник выделяются три значительные по объему произведения алима и вазира Абу-л-Касима аз-Заййани (1734–1833): «Ат-Тарджуман ал-му‘ариб ан дуввал ал-Машрик ва-л-Магриб» (Искусное истолкование [истории] династий Востока и Запада), «Ат-Турджумана ал-кубра фи ахбар ал-ма‘мура барран ва бахран» (Великое истолкование событий в населенных местностях на суше и на море) и «Ал-Бустан аз-зариф фи даулат аулад Маула аш-Шариф (Красивый сад [повествования] о правлении потомков Мулай аш-Шерифа)». Эти сочинения содержат ценные детали, характеризующие стиль государственного управления и религиозную поли-

тику шерифских правителей. Почти современником и коллегой аз-Заййани был Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад Акансус ал-Марракуши (1796–1877), перу которого принадлежит летопись «Ал-Джайш ал-‘арамрам ал-хумаси фи даулат аулад маулана Али ас-Сиджилмаси» (Несметное пятичастное войско в династии потомков нашего повелителя Али из Сиджилмасы). Труд Акансуса изобилует сведениями об устройстве шерифской администрации (*махзена*), персоналиях алимов и суфийских шейхов, а также о малоизвестных для других историографов событиях первой трети XIX в.

Центральное место среди арабоязычных источников алаутской эпохи занимает многотомный труд хрониста Абу-л-Аббаса Ахмада ибн Халида ан-Насири (1835–1897) «Китаб ал-истикса ли ахбар дуввал ал-Магриб ал-акса» (Книга изучения сведений о династиях Дальнего Магриба) – крупнейший компилятивный исторический свод в истории Марокко. Хотя летопись освещает события модернизации шерифского государства и содержит попытки осмысления военно-технического превосходства «неверных», в целом «Китаб ал-истикса» написана в духе средневековых традиций.

В **третью группу** источников, использованных при написании работы, входят священные тексты мусульманского вероучения, био- и агиографические труды, а также богословские и суфийские трактаты. Первая категория в этой группе представлена священным писанием ислама – Кораном, цитируемым в работе по классическому переводу И. Ю. Крачковского. Во вторую категорию входят генеалогические своды, сборники жизнеописаний или автобиографии (*фахраса*) святых, шерифов, суфийских наставников и богословов-алимов. Среди биографических трудов наиболее существенна «Фахраса» шейха Абу-л-Аббаса Ахмада ибн Аджибы ат-Титвани (1747–1809). Другие биографические собрания XVII–XVIII вв. содержатся в сочинениях хронистов Мухаммада ал-Кадири (1712–1773) «Нашр ал-масани ли ахл ал-карн ал-хади ‘ашар ва-с-сани» (Опубликование двустий о людях одиннадцатого и двенадцатого века [хиджры]) и Мухаммада ад-Ду‘айфа (1752–1825) «Тарих ад-Ду‘айф» (История Ду‘айфа). Из всего массива хроникально-биографических сочинений XIX – начала XX в. на первое место следует поставить труды двух марокканских историографов – Мухаммада ал-Каттани (1858–1927) и Абд ар-Рахмана ибн Зайдана (1873–1946). Ценность их работ состоит в публикации архивных документов дво-

ра и махзена, некоторые из которых были позже утрачены, а другие остаются малодоступными для зарубежных историков Марокко.

К **четвертой группе** источников относятся наблюдения, путевые заметки и другие описательные тексты европейцев, посетивших Марокко в XVIII–XX вв. Это памятные записки о местах службы, принадлежащие перу дипломатов и колониальных чиновников, дневники офицеров, перешедших на службу к шерифским правителям, описания портов и городов страны, составленные торговцами, отчеты агентов разведки, интервью и репортажи журналистов, сочинения миссионеров, путешественников и т. п.

В обширном корпусе иностранных описаний Дальнего Магриба следует в первую очередь выделить свидетельства дипломатов. Консул Франции Л. С. де Шенье в своих «Исторических изысканиях о маврах и прошлом Мароккской империи» (1787 г.) и шведский консул в Марокко Я. Грабер ди Эмсо в фундаментальном «Географическом и статистическом описании Мароккской империи» (1834 г.) осветили религиозную ситуацию в Марокко и его законодательство, состояние наук и нравов, государства, армии и флота, а также дали детальный обзор исламской истории страны.

Самостоятельную подгруппу европейских источников образуют воспоминания и отчеты торговцев и медиков, офицеров и служащих специальных ведомств, посетивших в XVIII–XIX вв. Марокко с коммерческими целями или по долгу службы – Г. Хоста, Дж. Г. Джексона, У. Лемприера, Дж. Уиндуса, Дж. Брайсвейта, Доминго Бадиа-и-Леблиха (Али-бея ал-Аббаси), А. Бюреля и Ж. Эркманна. Их сочинения содержат взвешенные характеристики социально-культурных примет марокканского общества, стиля жизни марокканских регионов и религиозного быта марокканцев. Еще одна категория европейских источников – описания Марокко, составленные путешественниками, миссионерами и журналистами XIX–XX вв. (В. П. Боткин, К. А. Вяземский, Вас. И. Немирович-Данченко, Э. Обэн, Я. Потоцкий, Ш. де Фуко, Р. Форбс и У. Харрис). Эти авторы сумели передать детали быта, мировосприятия и религиозного поведения марокканцев, описали природные и лингвистические различия провинций Дальнего Магриба.

Пятая группа источников включает материалы и публикации научных (этнографических, социологических, культурологических и религиозных) полевых изысканий и опросов колониального и постколониаль-

ного периода. Работы такого рода принадлежат перу французских офицеров и деятелей колониальной администрации Алжира. Важнейшими среди них следует признать монографические произведения О. Дэпона и Кс. Копполани «Мусульманские религиозные братства» (1897 г.) и Л. Ринна «Марбуты и хван» (1884 г.). Эти исследования затрагивают все сферы деятельности служителей «народного» ислама в Марокко, а также отличаются достоверностью и точностью в изложении фактического материала. Многообразные сведения о религиозном быте и нравах марокканцев собраны французскими религиоведами и социологами XX в. (Э. Мишо-Беллэр, Э. Монтэ, Э. Дуттэ, М. Бодэн, Ж. Дельфэн, Л. Пети, Ж. Сальмон, А. Перетье).

Из сочинений и свидетельств колониальной эпохи на первое место следует поставить две крупные синтетические работы. Первая из них – это четырехтомный сборник «Документы для изучения северо-запада Африки» (1897 г.), подготовленный Н. Лакруа и А. де ла Мартиньером. Фактологическую основу этого справочно-документального свода составили отрывки из махзенских документов и ученых трудов, географические и демографические справки, карты, генеалогические древа шерифских и мурабитских кланов, сведения о границах племенных территорий и зонах влияния братств, обзоры племенной и исламской политики марокканских султанов. Не менее существенное место в этом ряду принадлежит 11-томному серийному изданию «Города и племена Марокко» (1915–1932 гг.). Оно основано на переводах собранных французскими востоковедами рукописных источников, а также на обильной устной информации, полученной от вождей племен, шерифов и суфийских лидеров. Значение этого издания для марокканских исследований столь же непреходяще, как роль британских газеттиров для изучения истории Индии или наполеоновского «Описания Египта» – для исторических изысканий по долине Нила.

К **шестой группе** источниковых данных, задействованных в исследовании, принадлежит обширный корпус мемуарной литературы и публицистики. Он вобрал в себя наблюдения и оценки видных государственных деятелей Франции – «Военные мемуары» Ш. де Голля и «Мое семилетие» первого президента Четвертой республики В. Ориоля. К этой же категории источников относятся письма и воспоминания генеральных резидентов Франции в Марокко. Среди них наиболее значимым остается труд «Слова

действия» основателя французского протектората – маршала Л.-Ю. Лиотэ (1859–1934) в котором автор осветил трудности французского освоения Марокко, сложные перипетии отношений Парижа и алауитского двора.

Среди широкой палитры источников этой группы особого внимания заслуживают мемуары короля Марокко Хасана II (1961–1999 гг.), а также видных марокканских националистов. Воспоминания Хасана II содержат разнообразную статистику, дают развернутые характеристики политическим деятелям Марокко, исламского мира и Запада, проясняют воззрения монарха на проблемы вестернизации, экстремизма в исламе и т. п. Однако наиболее интересны для разработки темы оказались мемуары ветеранов антиколониальной борьбы: ал-Хасана Абу Айяда, Мухаммада ал-Алауи, Мухаммада Хасана ал-Ваззани, Абд ал-Карима Галлаба, Абд ал-Хади аш-Шарайиби. Эти авторы занимали разные (порой полярные) политические позиции, что позволило составить полноценное представление о палитре их воззрений и степени влиятельности религиозно-политической оппозиции протекторату при султанском дворе. Литературно-публицистические произведения (О. Бернар, Ж. Фардель, В. Пике, Л. Вуано, Р. Ландау) оказались важны для понимания культурно-психологических основ самоотождествления предыдущих поколений марокканского правящего класса.

Седьмая группа источников, использованных при подготовке диссертации, состоит из официальных документов государства и партий, речей, выступлений, политических программ, уставов организаций и т. п. К этой группе относятся нормативно-правовые документы Марокко: конституции 1962, 1970, 1972, 1992, 1996 и 2011 гг., сборники законодательных актов, электронные ресурсы марокканских министерств и ведомств. Не менее содержательны выступления, речи и послания королей Марокко, опубликованные в печати и на официальных веб-сайтах. По этим источникам прослеживается эволюция взглядов марокканских монархов и их правительств на деятельность «официальных» и «народных» исламских учреждений, партий, ассоциаций и роль государства в ее регулировании.

В качестве источников были также изучены речи, заявления и выступления видных представителей марокканских политических кругов: Махди ибн Барки, Абд ал-Карима Галлаба, Абд ар-Рахмана ал-Йусуфи, Аллала ал-Фаси. Другой важной источниковой категорией являются документы поли-

тических партий Марокко (программы и уставы, материалы съездов, официальные заявления в периоды парламентских выборов и т. п.). Партийные документы содержатся в сборнике «Политическое Марокко. От провозглашения независимости до 1973 г.», где они были аннотированы и обобщены К. Палаццоли. Также к работе привлекались веб-сайты марокканских партий, обладающие крупными документальными ресурсами.

В восьмую группу источников выделены материалы средств массовой информации. При разработке проблем диссертации были использованы ресурсы марокканской прессы, широко представленной в Интернете. Они включают в себя газеты «Ле Журналь», «Ла Газетт дю Марок», «Либерасьон», «Ле Матэн дю Саара э дю Магрэб», «Л'Опиньон», «Ал-Алам», журнал «Лам-алиф», издаваемые на арабском и французском языках. Оказались полезны данные из французских газет «Ле Фигаро», «Ле Монд», «Ле Монд Дипломатик», «Ле Суар» и британской «Файненшл Таймс»; привлекались статьи и заметки из тунисского журнала «Реалитэ/Хака'ик» и издаваемой в Лондоне «Аш-Шарк ал-аусат». Отдельно следует упомянуть научно-популярные издания – журнал «Жён Африк», а также издаваемый Национальным центром научных исследований Франции (CNRS) ежегодник «Анньюэр де л'Африк дю Нор» (с 2004 г. «Л'Аннэ дю Магрэб»), содержащий статистику, хронологию событий и аналитику по Северной Африке.

Историография и степень изученности проблемы. Обращение к религиозно-политической истории Марокко в XVII–XX вв. также продиктовано необходимостью проанализировать и оценить различные тенденции в мировой магрибистике. Научная литература по общественной и политической эволюции этой страны богата и разнообразна. Однако как в нашей стране, так и за рубежом целенаправленное изучение динамики взаимодействия марокканской монархии и исламских институтов в алауитскую эпоху началось недавно. Хотя отдельные аспекты этой тематики уже нашли отражение в фундированных и высококачественных работах, историографию проблемы вряд ли возможно считать сложившейся. В освещении данного вопроса пока не появилось школ или групп исследователей, по-разному трактующих его суть, и до сих пор не создано полноценных обобщающих трудов на эту тему. Поэтому изученные и процитированные автором научные публикации уместно подразделить на следующие категории:

1. Обобщающие работы по магрибинской истории, рассматривающие исторические судьбы Марокко в контексте регионального развития. Этой проблематике в историографии отдали дань в первую очередь историки-медиевисты. Так, на суммарный анализ структур магрибинского общества нацелены монографии М. В. Чуракова и В. В. Матвеева. Общемагрибинский контекст присущ трудам Р. Г. Ланда, посвященным взаимодействию цивилизаций в Северной Африке и на Иберийском полуострове. Аргументированные выводы о социальной иерархии средневековых магрибинских племен связаны с именем Н. А. Иванова. Широкие обобщения тенденций развития региона прослеживаются в главе Р. Идриса по постальмохадскому Магрибу в «Общей истории Африки», а также в «Истории Северной Африки» Ш.-А. Жюльена, статьях и монографиях Р. Ле Турно и Ж. Берка.

Ряд фундаментальных трудов этого рода выходит за пределы средневековья. В отечественной науке Р. Г. Ланда, М. Ф. Видясова и Н. Н. Дьяков проанализировали на широком документальном материале период от распада Халифата (VIII в.) до предколониальной или колониальной эпохи, уделяя внимание наследию античной цивилизации, эволюции доисламского берберского общества и ходу этнокультурного синтеза на Арабском Западе. В западной и арабской историографии Магриба среди обобщающих исследований привлекают внимание монографии французского историка и социолога Ж. Берка и работы его марокканского коллеги Абдаллаха ал-Арви (Ларуи), стремящихся пересмотреть колониальные стереотипы относительно роли исламского фактора во взаимодействии шерифского центра и периферии. Вклад авторов синтетических трудов в изучение прошлого Северной Африки очень значим. На основании сделанных и аргументированных ими выводов становится возможным начать разработку более частных вопросов, в том числе тех, что отражены в содержании данной диссертации.

2. Публикации, освещающие событийную картину истории Марокко в Новое и Новейшее время (в целом или по отдельным этапам этих эпох). В отечественной востоковедной традиции основы изучения общественной жизни Марокко были заложены В. Б. Луцким. Вклад в исследование социально-экономических процессов XX в. внесли Н. С. Луцкая и В. Г. Расницын. Роль религиозных институтов Марокко анализировали Р. Г. Ланда, Н. Н. Дьяков и М. С. Сергеев, давшие многомерное представление об общест-

венной функции деятелей ислама. Российскими историками (Н. А. Иванов, Р. Г. Ланда, Э. В. Павлуцкая) были также написаны очерки истории Дальнего Магриба XIX–XX вв. в коллективных научных монографиях. Однако историческая картина Марокко XVII–XIX вв. еще не проанализирована в российской историографии на широком источниковом материале.

Среди зарубежных публикаций по общей истории Марокко заслуживает первоочередного упоминания общепроблемная коллективная монография «История Марокко» французских и марокканских авторов (Ж. Бриньона, Г. Мартинэ, Б. Розенбергера, М. Террасса, Абд ал-Азиза Амина, Ибрахима Абу Талиба). Ценными общими работами являются «История Марокко с древности до установления французского протектората» А. Террасса и фундированная «История Марокко», написанная польским магрибистом А. Дзюбиньским. Список трудов, систематически излагающих историю страны, пополнился в 1992 г. «Историей Марокко от ее начал до наших дней» Б. Люгана, в 2000 г. – монографией Ч. Пэннелла «Марокко после 1830 г. История» и в 2009 г. – «Историей Марокко» М. Абитболя.

3. Труды, объединяющие собственно историческое исследование с достижениями этнографии, культурологии и литературоведения. Результатом такого междисциплинарного сопряжения стали оригинальные и во многом новаторские исследования по духовной культуре, социальной организации и внутренней жизни арабских, берберских и негроидных общин Марокко. За последние шестьдесят лет в европейской и американской магрибистике появился широкий круг работ, детально рассматривающих частные примеры традиционных социально-политических и этноконфессиональных структур Северной Африки (case studies), которые возможно подразделить на исследования племен, городов и суфийских обитателей/братств.

В современной историографии замечен интерес к вопросам динамики межплеменных отношений, механизмам развития и разрешения конфликтных ситуаций, феномену сегментации в племенной среде, принципам взаимосвязи патрилинейных семей, системе родства и распределения властных функций в традиционном обществе. Названные выше проблемы нашли отражение в трудах Дж. Чиапуриса, Г. Мансона, Амал Рассам-Виноградовой, ал-Араби Акнины. Не меньший интерес для разработки проблем данной диссертации представляют локально-исторические и культурологические

исследования, сориентированные на комплексное изучение хозяйственной жизни, топографии, архитектуры, состава населения традиционных и колониальных городов Дальнего Магриба. Из трудов этого рода следует выделить монографии А. Адама, Г. Девердэна, Ж. Кайе, А. Гаудио, Р. Ле Турно, Дж. Абу-Лугод, К. Брауна, Н. Сайджера, Мухаммада Дауда. Для истолкования перипетий объединения и дезинтеграции Марокко ценными оказались case studies, посвященные этногеографическому изучению отдельных регионов страны или интерпретации истории культовых центров и суфийских братств. Удачными примерами междисциплинарного контакта локальной истории и культурной антропологии являются публикации Р. Брюнеля, Дж. О. Волла, Р. Жаму, П. Паскона, М. У. Майксэлла, В. Крапанцано, Д. Ф. Эйкелмана, Б. Этьена, Джамила Абу-н-Насра, Мустафы Ахмиса, Магали ал-Мурси, Мухаммада Мухтара ас-Суси, Абдаллаха ал-Хаммуди.

Диссертант также привлекал специальные исследования литературоведов (А. Б. Дербисалиева, В. В. Сафронова, И. М. Фильштинского, А. Бассэ, Х. Т. Норриса, Мухаммада ибн Шакруна, Мухаммада ал-Ахдара), проливающие свет на характер и сущность культурной эволюции арабских и африканских обществ в XVII–XIX вв.

4. Исследования, в которых рассматриваются отдельные аспекты взаимодействия монархии и исламских институтов Марокко. Научная литература, затрагивающая стержневую проблематику диссертации, составляет особую историографическую группу. В советском востоковедении подступы к этой проблеме наметили В. Г. Расницын, Н. С. Луцкая и В. И. Максименко. Полезные замечания об исламистских структурах Марокко сделали А. А. Игнатенко и А. В. Малащенко. Тем не менее, отечественные востоковеды не выделяли взаимоотношения монархии и исламских структур Марокко как исследовательскую задачу. Первым отечественным магрибистом, проведшим анализ исламского фактора в истории страны, явился Н. Н. Дьяков. Он дал многомерную характеристику эволюции мурабитских и суфийских «центров силы». Однако его сосредоточение на медиевистике и новом времени оставило за пределами исследования постколониальные сюжеты.

В западной и марокканской историографии указанной тематике отводилось больше внимания. Ее частные аспекты разрабатывались как в пределах рассмотрения интеллектуальной и политической истории «офици-

ального» ислама, алимско-султанских/королевских противоречий, парадигм салафитского реформаторства в Марокко (Ж. Берк, Э. Бёрк, Д. Л. Бауэн, Мухаммад ал-Айяди, Абд ал-Джалил Бадв, Азиз Батран, Абд ал-Хади ат-Тази), так и на пути изучения генезиса и развития мурабитских обителей, крупных завий и их противоборства с алауитскими шерифами, суфийско-партийных взаимосвязей (В. Корнелл, Мухаммад ал-Хаджжи, Нур ад-Дин аз-Захи, Мухаммад ал-Мансур, Фатима Харрак). Параллельно развивались смежные тенденции: исследования по городской традиции почитания шерифов в XVI–XIX вв. и ее политическим коннотациям (Абд ал-Ахад ас-Сабти), разработка форм и методов религиозно-политической мобилизации у исламистских групп Марокко в конце XX – начале XXI в. (Джалал ибн Умар, Абд ал-Хаким Абу-л-Луз, Мухаммад Дариф). Систематизация и обработка сведений о взаимодействии племенных, религиозных и государственных институтов заложила фундамент для синтетических работ 1980–2000-х гг. (труды М. Брэтта, Д. Ф. Эйкелмана, Г. Мансона, Абд ал-Латифа Агнуша, Наджиба ал-Мухтади, Абдаллаха ал-Хаммуди). Хотя между этими исследователями существуют теоретические разногласия, диссертант склонен рассматривать их творчество как историографическую тенденцию, поскольку они последовательно, в перспективе социологических, политологических, культурологических и религиоведческих методов освещают различные стороны генезиса и эволюции исламских институтов Марокко, их взаимозависимости с обществом и государством.

Тем не менее, перечисленные исследователи, сколь бы добросовестно и профессионально они ни анализировали феномен марокканской монархии и исламский духовно-политический комплекс, и какими бы методологиями ни пользовались, не ставили перед собой задачу рассмотреть взаимосвязи алауитского двора и исламских институтов как целостную систему. Основной вывод, так или иначе следующий из их трудов, – сущность колебаний в отношениях шерифской власти и влиятельных шейхов/мурабитов периферии сводится к конфликту махзенского «централизма» и политических амбиций или бунтарства (*сиба*) служителей «народного» ислама. Но как эти обстоятельства вписываются в контекст ценностей марокканского социума? В какой мере их предопределила смена ролей Дальнего Магриба в средиземноморском и африканском сообществе на протяжении XVII–XX

вв.? Какие качества марокканского государственно-политического строя были порождены соперничеством/сотрудничеством монархии и исламских институтов? Какие элементы этих взаимоотношений явились исторически случайными и отпали, а какие пережили века и успешно функционируют сегодня? Ответы на эти вопросы в историографии пока не даны.

5. Религиоведческие работы, затрагивающие исламскую проблематику. Из поистине необъятного моря публикаций на эту тему были выбраны, во-первых, *теоретические работы, дающие методологическую перспективу исламских исследований*. Диссертантом были привлечены монографии и статьи А. В. Малашенко, З. И. Левина, Д. Б. Малышевой, Б. Тернера, Мухаммада Аркуна, посвященные развитию мусульманской цивилизации и общественных структур. Исторические этапы эволюции мусульманской мысли проанализировал американский историк М. Ходжсон, чья работа «Дело ислама» (1974 г.) вызвала широкий резонанс среди африканистов и магрибистов. Для диссертационного исследования существенное значение имели итоги методологической рефлексии Э. Бёрка, Дж. Волла, М. Гилсена и Фазлюра Рахмана, размышлявших над проблемами реформаторства и модернизации в исламе, а также над соотношением исламской идеологии и массовых политических движений в арабо-мусульманском мире.

Во-вторых, для исследования роли ислама в истории Марокко большой интерес представляют *труды, освещающие религиозно-культурную специфику Магриба*. Основное число подобных работ создано французскими учеными ввиду их особого интереса к странам Северной Африки. Исследования и публикации А. Бея, Ж. Буске, Э. Леви-Провансаля, Р. Монтаня образовали тот надежный фундамент, на котором сформировалось современное магрибистоведение. Гораздо меньше работ, сопоставляющих реалии северного и южного берегов Средиземного моря, написано английскими и американскими историками и антропологами Северной Африки.

В-третьих, исламоведческие аспекты диссертации потребовали обращения к *исследованиям процессов дифференциации исламского комплекса*. Противоречие, взаимозависимость и сходство между «городскими», «сельскими», и «племенными» («горскими», «оазисными» или «кочевыми») формами бытования ислама привлекают пристальное внимание исламоведов. Среди отечественных авторов эту проблему разрабатывали Е. Э. Бер-

тельс, С. А. Кириллина, А. Д. Кныш, Д. В. Макаров. В зарубежной историографии вопроса следует выделить труды Ж. Буске, Т. Левицкого, Ж. Шельхо, М. Гарсия-Ареналь, М. Шацмиллер. Диссертант привлекал выводы Дж.-С. Тримингэма, сделанные в его классическом труде «Суфийские ордены в исламе», оценки и наблюдения Халимы Фархат, Б. Г. Мартина, П. Шинара и Абд ал-Маджида ас-Сагира относительно историко-культурной сути народной религиозности и разнообразия ее политических приложений. К указанной проблематике примыкают исследования салафитской и суфийской субкультур, а также причин их конфликта (А. Д. Кныш, Д. Р. Жантеев, М. Гилсенан, Дж. Волл, Э. Сиррийа, Джамил Мухаммад Абу-н-Наср).

В-четвертых, для разработки данной диссертации оказались полезны многочисленные публикации по сущности феномена исламского фундаментализма и идеологическим проявлениям «политического ислама». В отечественной историографии наиболее значимые и методологически ценные работы по арабским исламистским организациям принадлежат А. А. Игнатенко, Р. Г. Ланде, А. В. Малащенко и В. В. Наумкину. Среди западных исламоведческих работ выделяются публикации Б. Этъена, Ж. Кепеля, О. Руа, Ф. Бюрга. Эти фундаментальные труды содержат сведения и выводы о деятельности марокканских исламо-радикалов, в силу чего они использовались при разработке событийной стороны исследования. В марокканской историографии идеология исламизма исследовалась Абд ар-Рахимом Ламшиши, сосредоточившим свое внимание на предметах соперничества между махзенем и оппозиционными исламистскими структурами.

6. Работы по экономике, социоантропологии, труды политологов и специалистов по конституционному законодательству. Исследование взаимоотношений монархических и исламских институтов в XX – начале XXI в. невозможно без воссоздания социально-экономического фона марокканской истории. Этот аспект проанализировали М. Ф. Видясова, В. А. Мельянцев, Г. Лазарев, Э. Ричардс, Дж. Уотербери, Ж. Берк, Ч. Стюарт, Идрис ибн Али, Мухаммад ан-Наджи и Мухаммад Салах ад-Дин. В социологических трудах по Марокко рассматривается широкий круг проблем, смежных с темой диссертационного исследования. В отечественном востоковедении немалое значение для выработки подходов диссертанта к изучению марокканских общественных структур имели труды и построения Р. Г. Ланды, З.

А. Ментешашвили, А. И. Левковского. Среди социоантропологических публикаций зарубежных ученых на первое место следует поставить труды британского социолога и философа Э. Геллнера. Ему (наряду с Д. Фортсом и Э. Эванс-Притчардом) принадлежат новаторские разработки в теории сегментарности доколониальных обществ, получившие международное признание как эвристически ценная модель социального действия. Другие традиции и школы социологии Магриба представлены работами Б. Хоффмана, Ж. Берка, П. Паскона. Наконец, в диссертации использовались результаты полевых исследований марокканских социологов (Амины Бу'айши-Надри, Азиза ал-Ираки, Муни'ы Баннани-Шрайби).

Начиная с 70-х годов XX в. вышли в свет примечательные труды, посвященные политической системе, партийному строительству, структуре администрации в Марокко. Среди достижений российских востоковедов в этой сфере следует отметить работы Н. С. Луцкой, В. И. Максименко и Э. В. Павлуцкой. В теоретико-политологическом плане большой интерес представила постановка Л. В. Гевелингом проблемы квазидемократии в современных африканских политических системах. В зарубежной историографии традицию изучения марокканских партий заложили Р. Резет и Р. Ле Турно. В дальнейшем европейские политологи Марокко сосредоточивали свое внимание на анализе демократических преобразований постколониальной эпохи (М. Камо, Ж.-Н. Феррье, М. Руссэ) или сопряженно изучали колониальный и постколониальный социально-политический опыт (А. Гаудио, М. Катюсс, Ж.-К. Сантуччи, А. Парехо Фернандес). В американской политологии Магриба тон задают труды У. Зартмана, Дж. Уотербери, Д. Эшфорда, Дж. П. Энтелиса, Дж. Дэмиса и Д. Ф. Эйкелмана, статьи и монографии которых обогатили представления диссертанта о преимуществах традиционных и современных методов контроля махзена над исламскими институтами. Помощь диссертанту оказали статьи и научные отчеты марокканских политологов. Это работы Хадиджи Мухсин-Финан, Абдаллаха ас-Саафа, Рашиды аш-Шарифи и Магали ал-Мурси. Особое значение для постановки проблем диссертации имели труды Мухаммада ат-Тузи. Этот марокканский историк, культуролог, исламовед и политолог ввел в научный оборот ряд источников по исламистской мысли Марокко в XX в., а

также опубликовал серию статей, эссе и монографий о взаимоотношениях «официального» и «народного» ислама.

В ходе подготовки и систематизации фактического материала диссертант обращал внимание на исследования, посвященные конституционному законодательству Марокко. Это труды М. А. Сапроновой, Р. Лево, С. Папи и Умара ибн Дуру, посвященные конституционной легитимности монархического строя, влиянию конституции и партийной системы на избирательное законодательство Марокко, сущности и действенности конституционных реформ 90-х годов XX – начала XXI в. Выводы историков-государствоведов оказали диссертанту помощь в осмыслении направлений исламской политики постколониального махзена и смены ее моделей.

7. Исследования истории европейского колониализма в Марокко и национально-освободительного движения. Отечественные историографы (В. Б. Луцкий, Н. С. Луцкая, Э. В. Павлуцкая, Л. П. Манасерян, З. А. Ментешашвили) при разработке этой проблематики обращали особое внимание на международный контекст европейского проникновения, методы внедрения в экономику Марокко деловых кругов Великобритании, Франции и Испании и т. п. Проблемы духовно-религиозного «ответа» элит Марокко на вызов колонизации были поставлены в российской магрибистике Н. Н. Дьяковым, детально изучившим различные формы деятельности суфийских братств Магриба в условиях иноземной экспансии XVI–XIX вв.

В зарубежной историографии подходы к исследованию колониальной модернизации магрибинских обществ в наибольшей степени разработаны французскими историками Ш.-Р. Ажероном, Ш.-А. Жюльеном, Д. Ривэ. Исследования французских магрибистов, нацеленные на рассмотрение колонизации, удачно дополняются вышедшими в 70–90-х годах XX в. англоязычными трудами Э. Бёрка, Дж. Халстэда, Р. Бидвелла, Ч. Пэннелла, исследовавших феномен почвенническо-патриотического сопротивления, джихадистские бунты племен и политику европейских администраций Марокко. В последние десятилетия в марокканской историографии также появился широкий круг работ по колониальному периоду истории шерифского государства (труды А. и Ж. Аяшей, Абдаллаха ибн Малиха, Абд ал-Хади ат-Тази, Абдаллаха ал-Арви и Мухаммада ибн Хилала). В центре внимания названных авторов находятся проблемы европеизации и ее социокультур-

ных издержек, датировка зарождения понятий «нация» и «национализм» в Марокко и другие актуальные для подготовки данной диссертации сюжеты.

8. Исследования смежных регионов Африки и Ближнего Востока.

При работе над диссертацией автор учел результаты исследований отечественных и зарубежных востоковедов, которые затронули смежные с диссертационной тематикой вопросы на примере Магриба, Ближнего Востока или других афро-азиатских регионов. Среди работ первой группы особый интерес вызывают монографии Р. Г. Ланды, М. Ф. Видясовой, Ю. В. Луконина и Н. П. Подгорновой, Р. Данцигера, Ж. Дезирэ-Вюйемин, Б. Этьена, которые в своих трудах по истории Алжира, Туниса и Мавритании освещают религиозно-политические проблемы, представляющие интерес для изучения Марокко. Богатый фонд источниковых сведений и наблюдений, дающих основания сопоставить реалии Марокко и Османской империи, содержат труды историков-османистов (М. С. Мейера, Н. А. Иванова, Р. Рэппа, М. Зильфи), историков Египта (Ф. М. Ацамба, С. А. Кириллиной), Аравии (А. М. Васильева, А. М. Родригеса) и Сирии (И. М. Смилянской). Положения и выводы, содержащиеся в их трудах, позволили сопоставить темпы развития Арабского Запада и Востока и помогли внимательнее отнестись к изучению источников по теме диссертации. С целью сравнения исламских институтов Марокко и Тропической Африки диссертант также воспользовался достижениями российских и зарубежных африканистов (Ю. М. Кобищанова, Л. Е. Куббеля, А. Д. Саватеева, М. Хискетта, Х. Т. Норриса).

Апробация диссертационной работы. Отсутствие в мировой историографии комплексных трудов, посвященных избранной теме, обусловили необходимость широкой апробации положений и разделов диссертации. Автор опубликовал по тематике исследования и смежным проблемам 80 научных работ, в том числе две монографии и авторские разделы в 4 коллективных монографиях и учебных пособиях.

Апробация основных положений и выводов исследования была осуществлена в виде докладов на всероссийских и международных научных конференциях и конгрессах. Среди них: «Ломоносовские чтения» (МГУ, 1993–1995, 1997–2012 гг.), XIX, XX и XXI Научные конференции по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки (СПбГУ, 1997, 1999, 2001 гг.), III, IV, V и VI конференции Центра арабских исследований

(Институт востоковедения РАН, 1998, 1999, 2001, 2004 гг.), VIII и XII Конференции африканистов «Африка на пороге третьего тысячелетия» и «Африка в условиях смены парадигмы мирового развития» (Институт Африки РАН, 1999, 2011 гг.), I и II Научные конференции «Иерархия и власть в истории цивилизаций» (РГГУ, 2000 г.; СПбГУ, 2002 г.), Первый Всемирный конгресс ближневосточных исследований (WOCMES-1) (Майнц, Германия, 2002 г.), 16-й 17-й и 18-й конгрессы Международного комитета доосманских и османских исследований (СІЕРО-16: Варшава, Польша, 2004 г.; СІЕРО-17: Трабзон, Турция, 2006 г.; СІЕРО-18: Загреб, Хорватия, 2008 г.), 37-й Международный конгресс востоковедов (ICANAS-37) (Москва, Россия, 2004 г.), Международная конференция «Арабские провинции в османскую эпоху (ок. 1600 – ок. 1900)» (Миннеаполис, США, 2005 г.), II Международная конференция «Мир ислама: история, общество, культура» (РУДН, 2010 г.), круглый стол «Революционные события в арабских странах: причины, движущие силы, возможные последствия» (Институт Африки РАН, 2011 г.), конференция «Государство, общество, безопасность на Ближнем и Среднем Востоке» (Институт востоковедения РАН, 2012 г.).

Тезисы и материалы диссертации были представлены автором в научных сообщениях на кафедре истории факультета литературы и гуманитарных наук Университета им. Хасана II (Касабланка, Марокко, 1997 г.). Результаты исследований были апробированы в ходе встреч с ведущими марокканскими специалистами по истории исламских институтов – Ахмадом Бушарбом, Мухаммадом Канбибом, Хадду Буагазом и Абд ал-Фаттахом аз-Зином, дискуссий с преподавателями Университета им. Мухаммада V (г. Рабат) и сотрудниками Центра алауитских исследований (г. Рисани) во время архивных изысканий автора в Марокко (1996–1997 гг.).

Широкий круг поставленных в работе проблем нашел отражение в преподавательской деятельности автора. Основная часть фактического материала, теоретические и методологические подходы диссертации были апробированы в лекционных курсах, семинарах, спецкурсах и спецсеминарах в Институте стран Азии и Африки и на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ 14 декабря 2012 года.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация строится по **проблемно-хронологическому** принципу и состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии.

Во **введении** обосновывается выбор темы диссертации и ее актуальность, обозначается проблема исследования, сформулированы его основная цель и конкретные задачи, раскрывается его научная новизна и практическая значимость, задаются хронологические рамки изысканий, определяется объект, предмет и методологическая основа исследования, дается обзор источников и показывается степень разработанности избранной темы в отечественных и зарубежных исторических, социологических, политологических и исламоведческих исследованиях, сообщаются сведения об апробации результатов исследования. Введение также обрисовывает современное состояние взаимосвязей монархии и исламских институтов в Марокко.

Первая глава «Монархия и ислам в Марокко: историко-культурная специфика и социально-политические позиции» содержит развернутую характеристику эволюции традиций исламской монархии в 1200-летней истории Дальнего Магриба и детально рассматривает вековые механизмы встраивания исламских институтов в социальную организацию арабских и берберских племен и общин, групп оазисных земледельцев, городских кварталов. Первый раздел «Социокультурные особенности исламского комплекса и монархии в Марокко» сосредоточен на средневековом наследии «племенных» династий Альморавидов, Альмохадов, Маринидов и Ваттасидов и традиционных концепциях их власти, а также на опыте шерифского правления Идрисидов. Особое внимание в разделе уделяется комплексу вопросов, связанных с легитимацией марокканскими государями своих султанских и халифских полномочий, для чего проводится ретроспективное рассмотрение «племенных» и шерифских стратегий узаконения власти. В разделе при помощи ключевых понятий божественной благодати (*барака*), происхождения от Пророка (*шараф*) и клятвы верности (*бай'а*) отражена двойственность общественной позиции султана – как априори священного, но в то же время избранного элитой общества лидера, а также выявлены духовно-культурные обоснования этого явления, выраженные в обрядах и символических церемониях. Во втором разделе «Внутренняя ор-

ганизация и интеллектуальная традиция служителей ислама в Марокко» значительное место занимает анализ исторически сложившейся инфраструктуры воспроизводства знания и дается обзор оценок марокканской исламской интеллектуальной традиции, высказанных в мировой и российской историографии. Противоречивость этих оценок обязала автора представить свой взгляд по данному вопросу. В разделе ретроспективно прослеживается интеллектуально-культурная роль Марокко в средиземноморском мире и регионе Тропической Африки на многочисленных примерах личных контактов и профессиональной репутации марокканских законовеводов и богословов, равно как и восприятия Марокко в ученых кругах сопредельных территорий. Раздел завершается систематическим изложением проблем сопряжения «большой» и «малой» традиции в марокканском исламе. В третьем разделе «*Общественно-экономические позиции и политическая деятельность служителей марокканского ислама*» раскрываются характерные черты социального статуса алимского корпуса в сопоставлении с духовно-мобилизационными возможностями суфийских наставников и святых-мурабитов. Специальный подраздел посвящен рассмотрению основ социально-политического взаимодействия служителей ислама и марокканской монархии. Здесь акцент сделан на выявлении специфических черт свойственной Марокко системы пожалований-азибов, позволявшей султанам и их махзену увековечить схему «диффузного вассалитета» шерифских и мурабитских кланов периферии.

Вторая глава «Шерифский султанат и служители ислама в доколониальный период (XVII – середина XIX в.)» посвящена изучению формативного периода алауитской государственности, начавшегося с эпохой «мурабитского кризиса» 1603–1668 гг. и завершившегося военным и финансовым проникновением европейских держав в дела Шерифской империи в 50-х годах XIX в. В первом разделе «*Ислам, локальные центры власти и становление алауитской монархии*» исследуется сложная диалектика внешних и внутренних влияний на Дальний Магриб, приведшая в XV–XVI вв. к возвышению общественных позиций провинциальных шерифских кланов и рассматриваются причины параллельного подъема авторитета завий. На этом фоне диссертант освещает факторы военного успеха основателей династии – Мулай Мухаммада, Мулай Рашида и Мулай Исмаила

– и анализирует сущность ранних социально-политических устоев шерифского султаната. Последнее осуществлено при помощи типологического сопоставления с разработанными М. Вебером понятиями патримониального государства и харизматического правления, а также за счет сравнения эволюции османской и марокканской имперских властных моделей в XVI–XIX вв. Второй раздел *«Исламские силы и алауитский двор: диалектика объединения и дезинтеграции (середина XVII – XVIII в.)»* посвящен двум «полярным» периодам развития алауитского государства: длительному правлению Мулай Исмаила (1672–1727 гг.), ознаменовавшемуся неуклонным усилением и централизацией алауитской власти, и последующей Тридцатилетней смуте (1727–1757 гг.), повторившей анархию и развал государственных структур времен «мурабитского кризиса». На этих противоположных примерах освещаются проблема доступа служителей «официального» ислама к политической власти и вопрос о зависимости политики ранних Алауитов от расположения к ним видных и влиятельных мурабитов или суфийских шейхов. Фактический крах исмаиловой политики в середине XVIII в. вновь привел алауитских султанов к необходимости сложной «племенной» и «суфийской» дипломатии, проводимой неформальными средствами. На этих началах основывалась вся политическая тактика двора и служителей ислама в эпоху стабилизации шерифского правления (вторая половина XVIII в.). В третьем разделе *«Исламская политика Алауитов в периоды салафитских реформ и европейского проникновения (первая половина XIX в.)»* реконструируются попытки султана Мулай Сулаймана осуществить в Дальнем Магрибе модель салафитского государства под флагом силового обуздания своевольных суфийских лидеров. Полный провал инициатив султана-реформатора привел к патерналистскому «откату» внутренней политики преемников Сулаймана и консервации слабости центральной власти. Между тем разгром шерифского войска французами в битве при Исли (1844 г.) и испанцами в ходе войны 1859–1860 гг. обозначил утрату Марокко части суверенитета и усложнил картину взаимоотношений алауитского двора со служителями ислама. Многие шейхи вступили в идейно-политическую конкуренцию с престолом. Особенно уязвимой оказалась позиция шерифских властей в ходе эпопеи Абд ал-Кадира Алжирского (1832–

1847 гг.), когда Марокко оказалось на грани войны с Францией, поддерживая этого партизанского вождя и деятеля братства Кадирийя.

В третьей главе *«Деятели ислама и двор на путях предколониальной и колониальной модернизации (60-е годы XIX – середина XX в.)»* раскрывается эволюция взаимосвязей алауитской правящей элиты, алимского корпуса и служителей «народного» ислама в условиях фактического крушения независимости шерифского государства и 44-летнего периода европейского протектората. В первом разделе *«Модернизационные преобразования и размывание суверенитета Марокко в последней трети XIX – начале XX вв.»* освещается опыт «вынужденной модернизации» султанов Сиди Мухаммада ибн Абд ар-Рахмана (1859–1873 гг.) и Мулай ал-Хасана (1873–1894 гг.), а также прослеживаются противоречивые реакции алимов и суфийских деятелей на вторжение европейских ценностей и нравов в повседневную жизнь марокканцев. Раздел также дает представление о роли исламских структур в организации вооруженного сопротивления захвату части территории Марокко французскими и испанскими войсками в 1907–1912 гг. Эти драматические годы отчетливо доказали низкую дееспособность алауитской власти и позволили многим шейхам проявить себя в качестве полевых командиров джихада, что существенно усилило полицентризм власти в Дальнем Магрибе. Во втором разделе *«Исламские институты и судьбы шерифской монархии на начальном этапе протектората»* дается общий анализ политики колониальных администраций Л.-Ю. Лиотэ и Т. Стига по отношению к исламу и народному образованию, а также выявляются формы участия исламских деятелей в антииностранном сопротивлении – от партизанской эпопеи республики Риф (1921–1926 гг.) до создания «свободных школ» для марокканских детей. Особое место в разделе отводится изучению сущности, идей и персоналий марокканского движения нео-салафийи, переходившего в 20-х годах от культурного сопротивления европейскому присутствию к политической оппозиции колониализму. Существенным представляется и возрождение в первые годы протектората открытого противостояния алауитского двора, признавшего европейский контроль, и шейхов-муджахидов, в целом потерпевших военное поражение к началу 30-х годов. Третий раздел *«Деятели ислама в национально-патриотической деятельности султанского двора и политических сил Ма-*

рокко (1930–1956 гг.)» показывает ход и причины идейно-политического сближения марокканских салафитов и националистов с алаутским двором, произошедшего в начале правления султана Сиди Мухаммада ибн Йусуфа (1927–1930 гг.) и особенно после насильственного исключения берберских подданных Алауитов из-под шариатской юрисдикции согласно «берберскому дахиру» 1930 г. Диссертант показывает сходство и преемственность воззрений партийно-политической оппозиции европейскому присутствию (МБНД–Истикляль) и Сиди Мухаммада на цели и задачи освободительного движения. Эта идейная близость выдержала испытание драмой государственного переворота 1953 г., организованного французской администрацией в союзе с рядом племенных и суфийских деятелей, и сыграла чрезвычайно важную роль в восстановлении независимости страны в 1956 г.

Четвертая глава «Монархия и исламские институты в строительстве постколониального марокканского государства (середина XX – начало XXI в.)» отражает новейшие и современные тенденции в контактах и конфликтах администраций Сиди Мухаммада ибн Йусуфа (Мухаммада V), Хасана II и нынешнего правителя Марокко Мухаммада VI с исламскими институтами и структурами. В первом разделе «Исламские институты Марокко в формировании структур “нео-махзена”» на основе изучения динамики и направлений религиозной политики двора в 60–70-х годах автор выдвигает предположение о преемственности культуры исламской оппозиции престолу в традиционную и постколониальную эпохи. Об этом свидетельствуют неудача ранней политической практики Хасана II, приведшей к серии армейских заговоров 1969–1972 гг., и стихийная «ретрадиционализация» марокканского общества, подхваченная официальной пропагандой и смягчившая в общественной жизни Марокко отзвуки исламской революции 1978–1979 гг. в Иране. Отдельно освещается исламская составляющая пропагандистской кампании по обретению Западной Сахары, завершившейся в 1975 г. т. н. «зеленым маршем». Во втором разделе «”Исламский бум” и консолидация политических сил вокруг трона» определяется место исламских структур в социально-политическом пейзаже Марокко 70–80-х годов. На фоне городских бунтов 1981 и 1984 гг. проанализированы принципы организации официальных религиозных структур, суфийских братств и исламистских группировок, их идеологические позиции и взаи-

моотношения с престолом. В этом контексте изучены реформы религиозных учреждений 1976 и 1984 гг., меры королевской администрации по укреплению и дисциплинированию алимского корпуса, улучшению финансирования духовных структур. Также исследованы репрессии спецслужб, направленные против радикальной исламской оппозиции, и выявлены причины благожелательного курса Хасана II в отношении традиционных суфийских обителей. Главным предметом рассмотрения в третьем разделе «*Поэтапная либерализация: ислам в контексте конституционных реформ 1992–2011 гг.*» стали пути нейтрализации махзенем исламистских структур за счет демократических преобразований (конституционных пересмотров 1992, 1996 и 2011 гг., утверждения принципа «альтернативности власти», либерализации Семейного кодекса и избирательного законодательства, легализации умеренных исламистских движений и их адаптации к парламентской жизни). Автор анализирует опыт двора, правоохранительных органов и спецслужб по организации программируемого исламистского оппонирования левосоциалистическому «правительству альтернативы» (1998–2002 гг.) силами Партии справедливости и развития, а в 2000-х годах – и альтернативных исламски окрашенных организаций (Партии возрождения и благодати, Партии подлинности и модернизма и др.). В завершение раздела показан комплекс мер, предпринимаемых марокканским государством для противодействия радикальному исламистскому подполью.

В **заключении** содержатся выводы и обобщения, сделанные в процессе диссертационного исследования. Они позволяют подвести итоги проделанной работы, переосмыслить устоявшиеся в магрибистике стереотипы относительно общественной роли шерифской монархии и деятелей ислама, а также наметить перспективные направления исследований в этой области.

Историческое развитие исламского духовного комплекса в Дальнем Магрибе предопределялось рядом специфических черт местных обществ и их природного окружения, а также геополитическим расположением этого периферийного региона арабо-мусульманского мира. На протяжении столетий чрезвычайно выгодное расположение вблизи Европы, на перекрестке сахарских караванных путей с морскими трассами Атлантики и Средиземноморья не раз делало Дальний Магриб важным форпостом ислама в военно-политической борьбе исламского и христианского миров. На Ближнем

Востоке, в условиях развитой городской традиции и тесных связей между городским и сельским укладами нормативный «официальный» ислам занимал существенное место в социальной структуре. Однако массовое и открытое включение исламских деятелей в политическую жизнь, организацию боевых действий, государственное управление, как правило, происходило при экстремальных и длительных нарушениях привычного хода общественной жизни (крестовые походы, вторжения монголов, экспедиция Бонапарта и т. п.). В Дальнем же Магрибе скудность городской сети и демографическое давление горно-пустынной периферии на центры культуры приводили к тому, что полуязыческий «народный» ислам неизменно оказывался стержнем социальной и религиозной жизни страны. Поэтому духовная общность, всеобъемлющая социальная и культурно-воспитательная роль, экономические ресурсы и разветвленная организация постоянно наделяли местные суфийские братства значительной политической силой.

Влияние обителей-завий XVI–XIX вв. было обратно пропорционально авторитету центральной власти в регионах. Взаимная зависимость монархии и «религиозных кланов», широкие социокультурные функции служителей ислама и их неформальные связи с султанским двором, конкуренция шейхов и алауитских лидеров на ниве военной мобилизации и защиты общины – эти обстоятельства марокканской истории предопределили противоречивость и динамизм как сотрудничества, так и соперничества Алауитской династии с исламскими деятелями. Анализ и обобщение источникового материала позволяют выделить три периода в развитии взаимоотношений шерифского престола и исламских структур Дальнего Магриба:

Первый период возможно датировать 30-ми годами XVII – серединой XIX в. и обобщенно наименовать «доколониальным». Именно в эти два столетия на базе опыта Сааидов произошло складывание, оформление и упрочение алауитской политической практики. Переход марокканского престола к алауитским шерифам в середине XVII в. окончательно утвердил в этой части Магриба схему слабоцентрализованной патриархальной мусульманской теократии. Хотя ряд алауитских правлений возможно считать успешными (эпохи Мулай Исмаила [1672–1727 гг.], Сиди Мухаммада ибн Абдаллаха [1757–1790 гг.], Мулай ал-Хасана [1873–1894 гг.]), чаще власть султанов Марокко носила номинальный характер. Этому способствовали

неуемные амбиции вооруженных племен, дворцовое противоборство, стремление наместников и суфийских шейхов к независимости. Именно мирное сосуществование государства с племенными и религиозными структурами определяло стабильность политической системы. Сочетая суровые меры с уступками, маневрированием и политикой баланса сил, поддерживая в среде суфиев перманентные конфликты шерифский махзен мог навести относительный порядок в стране и успешно его поддерживать.

Этими обстоятельствами объясняется заметный (при всей переменчивости общественной и политической ситуации) парадокс в развитии доколониального Марокко: с одной стороны, его история XVII–XIX вв. наполнена хаосом, вспышками анархии, столкновениями бунтующей армии, местных вождей или религиозных лидеров, сочетающимися с более или менее эффективными попытками центральной власти объединить страну. С другой стороны, марокканское государство непрерывно продолжало осуществлять власть над племенами, городами и историческими регионами, а его структуры и традиции отличались постоянством и преемственностью.

Второй период во взаимоотношениях марокканской монархии и исламских институтов приходится на 60-е годы XIX – середину XX в. Вторжение французских войск в Алжир и разгром марокканской армии французами в битве при Исли (1844 г.) привели к превращению Магриба в периферию французской колониальной империи. Эти драматические сдвиги поставили под вопрос прежнюю схему взаимоотношений шерифского престола с военно дееспособными суфийскими лидерами. Героическая эпопея сопротивления Абд ал-Кадира Алжирского (1832–1847 гг.) «включила» в политический арсенал султанов и сановников махзена старинные представления о роли престола и полевых командиров в джихаде. Неуправляемые муджахиды постоянно провоцировали репрессии захватчиков, но их деятельность подрывала и авторитет Алауитов, искушая часть населения мыслью о недейственности власти султана как защитника веры. Поэтому любой авторитетный шейх, прославленный военным и дипломатическим талантом, с необходимостью вступал в негласное противостояние с престолом, который с конца XVIII в. был связан займами и договорами с Европой.

Политика «открытия» Марокко нашла свое наивысшее выражение в установлении франко-испанского протектората (1912–1956 гг.). Колониза-

ция ознаменовала хозяйственно-технологический перелом в жизни Дальнего Магриба, однако ее воздействие на взаимоотношения власти и исламских институтов было неявным и опосредованным. В суфийско-мурабитской среде европейский контроль сначала породил всплеск джихадистских настроений, но впоследствии бóльшая часть завий отстранилась от участия в джихаде. Другое отношение к партнерству с колонизаторами исповедовали многие служители «официального» ислама, деятельность которых эволюционировала от культурно-этической обороны к политике, породив марокканское национальное движение под эгидой алауитского двора. В этом отношении эпоха протектората воспроизвела многовековую тенденцию марокканской истории – циклические колебания султанской власти между политической игрой с суфийскими шейхами и мурабитами (невзирая на мнение алимов) и репрессивно-ограничительным курсом в отношении братств (при партнерстве с алимами-салафитами).

Третий период во взаимодействии алауитского престола и сил, выступающих от имени ислама правомерно назвать «постколониальным». На этой стадии развития Марокко монархи-Алауиты и их махзен восстановили свою традиционную роль координатора, объединителя и унификатора пестрого и многоукладного марокканского общества. Султанский (с 1957 г. королевский) двор неизменно учитывал в своей политике этническую, культурную и регионально-клановую мозаичность страны и ее политических сил. Адаптируя прежние приемы администрирования к современности, Мухаммад V (1927–1961 гг.), Хасан II (1961–1999 гг.) и Мухаммад VI (с 1999 г.) выстроили систему ограничений своих полномочий в Конституциях 1963, 1970, 1972, 1992, 1996, 2011 гг. При этом марокканская монархия, оставшись одной из самых либеральных арабских политических систем, сохранилась как централизованное, патерналистски-абсолютистское государство, пропитанное традиционной политической культурой.

В свете этих обстоятельств исламская политика Алауитов во второй половине XX в. выстроилась вокруг двух начал. В отношении официальных религиозных кругов Мухаммад V и Хасан II преследовали цель идеологической обработки, деполитизации и дисциплинирования. В том же, что касалось «народного» ислама, постколониальные государи проводили сдержанный и благожелательный курс, рассматривая суфиев и мурабитов как

своеобразный традиционалистский заслон на пути радикального исламизма, сориентированного на установление в Марокко исламской республики. Наконец, катастрофический опыт гражданской войны в Алжире (1992–1999 гг.) глубоко повлиял на мышление марокканского истеблишмента и изменил схему взаимодействия между властью и политическим исламом. Уже в 1998 г. была легализована, а затем вошла в парламент и правительство исламистская Партия справедливости и развития, появились и другие легальные исламистские ассоциации. Анализ событий правления Мухаммада VI позволяет предположить, что местные исламисты не смогут в обозримом будущем сыграть роли руководителей и идеологов антисистемных действий, подобных протестным акциям «арабской весны» в Тунисе или Египте.

Прослеживаемые в данной работе перемены в отношениях алауитской монархии и исламских деятелей XVII–XX вв. позволяют по-новому подойти к оценке закономерностей в общественно-политической жизни Шерифской империи и Королевства Марокко. Стабильность модели власти, непрерывность монархической традиции и редкостная адаптивность шерифских правящих кругов к изменяющимся внешним и внутренним условиям дают основания как для частных выводов о социально-политическом развитии Марокко, так и для более широких обобщений.

Начиная со средних веков, арабо-мусульманский мир сформировал два политико-географических архетипа отношений власти и общества. Один из них был условно описан в литературе в виде «высокоорганизованной» или «деспотической» арабо-османской монархии. Этот тип правления характеризовался огосударствлением общественной жизни, ясно демаркированной территорией, наличием у правящей династии корней в городе и относительно консолидированным обществом. Эта схема подразумевала развитие разветвленного бюрократического аппарата, централизованной администрации, профессиональной армии, вооруженной огнестрельным оружием, патронаж власти в отношении религиозных лидеров, создание широких зон длительного государственного контроля. Подобная модель, представленная прежде всего османской метрополией, географически тяготела к центру арабо-мусульманского мира (Аййубидский Египет, Хафсидский Тунис). На восточном и западном флангах арабо-мусульманского мира (Сефевидский и Каджарский Иран, Саадидское и Алауитское Марокко)

нашла свое проявление другая модель исламской монархии. Здесь государство было вынуждено разделять власть с действительно сопротивлявшимся ему местными элитами. Устройство этих монархий отличалось децентрализацией и широкой автономией субгосударственных общностей (племена, братства, цеховые и квартальные объединения в городах). Эти общественные структуры были достаточно распространены и экономически независимы, чтобы участвовать в образовании и развитии государства, соперничать с ним, а иногда даже преобладать над центральной властью.

Многовековое взаимодействие всеобъемлющего трайбализма и «народного» ислама оставило заметный след в марокканской истории. В результате синтеза этих элементов возникло общество, обладающее способностью переносить сильные деформации в момент кризиса; после того, как кризис миновал, общественные связи быстро регенерировали и принимали старые формы. Алауитские султаны доколониальной эпохи управляли множественным обществом – подлинной поликратией, объединявшей сотни провинциальных, городских, племенных и религиозных центров власти. Политический процесс в таких условиях казался его участникам постоянным и беспорядочным потоком переговоров и закулисных игр, о чем мы можем судить по источникам. Сочетание древних порядков внутри общественных групп с плюральной моделью общества оказывали на ход его развития противоречивое влияние. С одной стороны, множественность центров власти редко позволяла султанам-Алауитам централизовать управление страной. С другой стороны, распыление власти и влияния обусловило существование множества «несущих конструкций» марокканского социально-политического строя, одна из которых могла при необходимости заменить другую. Да и следствием конфликтов в подобной системе оказывался не беспорядок, а своеобразный вид порядка: разнонаправленные действия отдельных социальных групп (племен, братств и т. п.) в сумме создавали динамическое равновесие между общественными силами.

Отмеченные выше закономерности и константы частично утратили свою значимость в XX столетии. Ушли в прошлое хозяйственная атомизация территорий Дальнего Магриба и политико-географическая зональность «земли власти» (*билад ал-махзен*) и «земли воли» (*билад ас-сиба*), ослабла этническая гетерогенность общества. Реализуя архетип сильного государ-

ства, правители постколониального Марокко фактически прекратили соперничество между махзенем и субгосударственными общественными структурами (племенами, суфийскими братствами, цеховыми и квартальными объединениями в городах, партиями, профсоюзами, неправительственными организациями, в т. ч. религиозными). Вместе с тем за драматическими переменами XX столетия ясно проявляются и пресуществившиеся в современности черты религиозной политики, уходящие корнями в ранние века правления Алауитов. На всем протяжении истории династии мы наблюдаем салафитский проект государства в разной степени его реализации и осознания. Этот своеобразный «фундаментализм государства» – осевой момент марокканской истории XVII–XX вв. и религиозно-политического порядка, созданного Алауитами. В начале XXI в. Мухаммад VI по-прежнему проводит этот курс за счет искусного третейского посредничества между партиями, сословиями, племенными и региональными элитами.

Изученные в работе сведения источников складываются в сложную и противоречивую картину. Они отнюдь не создают впечатления об однолинейном и однонаправленном характере взаимодействия марокканского престола и служителей ислама. Скорее, на протяжении XVII – начала XXI в. мы видим поступательные и попятные движения махзена и исламских институтов между двумя принципиально различными «полюсами»:

1) ***Исламские структуры подменяют власть.*** Шерифская государственность слаба (или слабеет), находится не в состоянии обеспечить защиту от внешнего врага или целостность разрозненной территории, а также безопасность населения и функционирование государственного аппарата. Все эти интегрирующие, защитные и мобилизующие функции неминуемо перехватываются (самопроизвольно или согласно их политической воле) шейхами завий или мурабитами, часто действующими как полевые командиры джихада. Составляя «несущую конструкцию» общества при ослаблении, а то и разрушении властных структур, исламские лидеры быстро усиливались и делили территорию султаната, что нередко вело к его распаду на мозаику самостоятельных территорий. Таковы были периоды «мурабитского кризиса» 1603–1668 гг., Тридцатилетней смуты 1727–1757 гг., реформ Мулай Сулаймана (начало XIX в.), старт правления Мулай Абд ар-Рахмана (20-е годы XIX в.), а также Мулай ал-Хасана (70-е годы XIX в.) и

полоса крушения доколониальных алауитских порядков в 1906–1912 гг. С рядом оговорок к этому же «полюсу» возможно отнести историю Республики Риф (1921–1926 гг.) и события 1953–1955 гг., когда султан Мухаммад ибн Йусуф был противозаконно и насильственно низложен французскими колонизаторами при помощи шейха ал-Каттани.

2) *Власть ограничивает и опекает исламские институты.* Апогей массового неподчинения шерифской власти проходит, усталость городов, племен и войска от мятежей, анархии и боевых действий усиливается, необходимость в шерифском посредничестве и интегрирующей силе государства вновь «растет в цене» на арене марокканской политики. Шерифский государь сплавливает (насильственно или на добровольной основе) доселе разрозненные общественные силы и воссоединяет их в единую государственную схему. Усиление позиций шерифского махзена позволяет ему взять под свою опеку исламские институты и мобилизовать их на выполнение своих задач (оправдание налоговой политики, легитимация передачи власти, пропаганда джихада и т. п.). В эпохи спокойствия исламские институты, как правило, стремятся к автономии от государства. Они либо выступают в роли оппозиции (особенно современные фундаменталисты), либо выторговывают у власти возможности для большего или меньшего самоуправления (советы алимов, неформальные местные организации, назначение на государственные посты и т. п.). Таковы были периоды правления Мулай Рашида после разгрома им завийи Дила (1668–1672 гг.), правление Мулай Исмаила (1672–1727 гг.), расцвет правлений Мулай Абд ар-Рахмана (30–40-е годы XIX в.) и Мулай ал-Хасана (80–90-е годы XIX в.), вторая фаза правления Мухаммада ибн Йусуфа/Мухаммада V (40–50-е годы XX в.), правление Хасана II (1961–1999 гг.), начало правления Мухаммада VI (с 1999 г.).

Колебания между этими «полюсами» приходились в эволюции шерифского государства на периоды стихийных бедствий, голода, анархии, племенных войн, эпидемий, демографических кризисов и экономического упадка, а достижение их сочеталось со временами относительного спокойствия, подъема экономики, активизации торгового обмена и восстановления государственных институтов. Завершен ли этот дуализм с достижением независимости или нет, покажет дальнейший ход марокканской истории.

Почти четырехсотлетний опыт алауитского Марокко убедительно свидетельствует о том, что гибкость децентрализованного монархического устройства и тесная взаимосвязь множества общественных групп придали шерифскому государству значительную связность, преемственность и жизнеспособность. С момента своего возникновения и до настоящего времени монархия Алауитов была и остается основой, вокруг которой складывается самоотождествление марокканцев. Рассмотрение монархических и исламских институтов в Марокко приводит к выводу о том, что их взаимопроникновение позволило этой самобытной стране сохранить свою культурно-историческую индивидуальность в условиях европейского протектората и успешно адаптироваться к переменам постколониального развития.

Основные положения и выводы диссертации отражены в 80 трудах общим объемом более 75 а. л., в том числе в следующих **публикациях**:

Монографии:

1. *Орлов В. В.* Традиционная социальная организация алауитского Марокко (середина XVIII – начало XIX века). Концепции – структуры – взаимосвязи. – М.: Издательский дом «Древо жизни», 1998. – 172 с. (10,0 а. л.), тираж 500 экз.
2. *Видясова М. Ф., Орлов В. В.* Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. – 512 с. (16,75/33,5 а. л.), тираж 2000 экз.

Авторские разделы в коллективных монографиях и учебных пособиях:

3. *Орлов В. В.* Ливия: Триполи, Киренаика и Феццан. Алжир. Тунис. Дальний Магриб (Марокко). Приатлантическая Сахара (Мавритания) // Новая история стран Азии и Африки. XVI–XIX вв. В 3 ч. / Под ред. А. М. Родригеса. – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2004. – Ч. 3. – С. 171-292 (5,6/86 а. л.).
4. *Орлов В. В.* Марокко в конце XVIII в. – 1840 г. // История Востока. – В 6 т. – Т. 4. Восток в Новое время (конец XVIII – начало XX в.). – Кн. 1 / Отв. ред. Л. Б. Алаев и др. – М.: Восточная литература, 2004. – С. 112-114 (0,2/49,4 а. л.).

5. *Орлов В. В.* Марокко в 1900–1914 гг. // История Востока. – В 6 т. – Т. 4. Восток в Новое время (конец XVIII – начало XX в.). – Кн. 2. – Отв. ред. Л. Б. Алаев и др. – М.: Восточная литература, 2005. – С. 344-347 (0,2/46,8 а. л.).
6. *Орлов В. В.* Магриб после распада державы Альмохадов. Этносоциальные и экономические процессы на постальмохадском пространстве (середина XIII – XV в). Государственность и динамика политического развития: Хафсиды, Абдалвадиды, Мариниды. Ислам и традиционная культура в постальмохадском Магрибе // Очерки истории мусульманской цивилизации. В 2 т. / Отв. ред. Ю. М. Кобищанов. М.: РОССПЭН, 2008. – Т. 2. – С. 452-484 (5,4/117 а. л.).
7. *Видясова М. Ф., Орлов В. В.* Северная Африка: власть, ислам, политическая игра // Современная Африка: метаморфозы политической власти / Отв. ред. Л. В. Гевелинг. М.: Наука, 2009. – С. 9-200 (1,7/3,4 а. л.).

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК:

8. *Орлов В. В.* Крах ваххабитской модели в Магрибе: реформы марокканского султана Мулай Слимана (1792–1822 гг.) // Вестник Московского университета. – Сер. 13. Востоковедение. – 1993. – № 4. – С. 24-32 (0,8 а. л.).
9. *Орлов В. В.* Контур сословия: мусульманское духовенство Марокко в конце XVIII – начале XIX в. // Вестник Московского университета. – Сер. 13. Востоковедение. – 1995. – № 4. – С. 16-25 (0,8 а. л.).
10. *Жантиев Д. Р., Орлов В. В.* Судьбы ваххабитского учения в предколониальном арабском мире (на примере сирийской и марокканской региональных моделей) // Вестник Московского университета. – Сер. 13. Востоковедение. – 1997. – № 4. – С. 11-28 (0,45 / 0,9 а. л.).
11. *Орлов В. В.* Интеллектуальная традиция предколониального алауитского Марокко (конец XVIII – начало XIX в.) // Вестник Московского университета. – Сер. 13. Востоковедение. – 1998. – № 4. – С. 3-21 (1,2 а. л.).
12. *Орлов В. В.* Традиционные основания власти в средневековом Марокко: «шерифская» и «племенная» концепции // Вестник Московского университета. – Сер. 13. Востоковедение. – 2000. – № 4. – С. 3-12 (0,6 а. л.).

13. Орлов В. В. Султан, имам, халиф: суннитские и шиитские корни концепции шерифского правления в Марокко // Вестник Московского университета. – Сер. 13. Востоковедение. – 2001. – № 4. – С. 65-74 (0,6 а. л.).
14. Кириллина С. А., Орлов В. В. Диалог интеллектуальных элит: марокканские алимь в Османском Египте (XVIII столетие) // Вестник Московского университета. – Сер. 13. Востоковедение. – 2002. – № 4. – С. 100-107 (0,3/0,6 а. л.).
15. Orlov V. V. The Moroccan Ulama as Intellectual Milieu (Mid-18th – Early 19th Century): an Attempt of Reconsideration // Вестник Московского университета. – Сер. 13. Востоковедение. – 2003. – № 2. – С. 13-19 (0,4 а. л.).
16. Kirillina S. A., Melkumian E. S., Orlov V.V. Middle East and Islamic Studies in Russia: Main Achievements and Prospectives // Вестник Московского университета. – Сер. 13. Востоковедение. – 2003. – № 2. – С. 31-41 (0,4/0,8 а. л.).
17. Орлов В. В. Опыт взаимодействия монархии и умеренных исламских движений в Марокко (90-е годы XX в.) // Вестник Московского университета. – Сер. 13. Востоковедение. – 2007. – № 4. – С. 42-51 (0,8 а. л.).
18. Орлов В. В. «Выборная» монархия? Клятва верности (бай‘а) и личность султана в истории алауитского Марокко (XVIII–XIX вв.) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. – 2009. – № 4. – С. 28-44 (1,2 а. л.).
19. Демченко А. В., Кузнецов В. А., Орлов В. В. Человек и образ мира в арабском историческом нарративе позднего средневековья и нового времени // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2010. – № 4. – С. 144-150 (0,4 а. л./0,7 а. л.).
20. Орлов В. В. Марокканский султанат и племенные элиты: исламский фактор в Рифской войне // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. – 2011. – № 4. – С. 24-38 (1,1 а. л.).
21. Орлов В. В. Алимь Марокко и модернизация: идеологические реакции и этические оценки (вторая половина XIX в.) // Вестник Московского

университета. Сер. 13. Востоковедение. – 2012. – № 4. – С. 20-28 (0,7 а. л.).

Другие публикации:

22. Орлов В. В. Земельные пожалования деятелям ислама в алауитском Марокко (XVIII – начало XIX в.) // Частная собственность на Востоке. – Сб. научн. тр. – М.: Ин-т востоковедения РАН, Ин-т экономич. проблем переходного периода, 1998. – С. 250-274 (1,1 а. л.).
23. Орлов В. В. Идеологические позиции и политическая роль высшего мусульманского духовенства в общественной жизни Марокко (конец XVIII – начало XIX в.) // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика). – Сб. ст. – Вып. 3. – М.: Ин-т востоковедения РАН, Ин-т изуч. Израиля и Ближнего Востока, 1999. – С. 219-230 (0,7 а. л.).
24. Орлов В. В. Феномен божественной благодати (барака) и почитание султанской власти в предколониальном Марокко // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика). – Сб. ст. – Вып. 4. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2000. – С. 273-281 (0,5 а. л.).
25. Орлов В. В. Марокканская монархия и исламские неправительственные организации: новые тенденции 90-х годов // Арабский Восток: ислам и реформы. – Сб. ст. – М.: Ин-т изуч. Израиля и Ближнего Востока, Ин-т Африки РАН, 2000. – С. 39-48 (0,6 а. л.).
26. Орлов В. В. Суфийские братства в общественно-политической жизни исламского мира (50-е – 90-е годы) // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). – М.: Ин-т востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. – С. 114-134 (1,1 а. л.).
27. Орлов В. В. Ибн Халдун. «Мукаддима» – шедевр мусульманской средневековой мысли. Египет и Магриб в XIV–XVI веках // Исторический лексикон: История в лицах и событиях. XIV–XVI века. – Кн. 1. – М.: «Знание», 2001. – С. 543-552, 544-545, 552-555 (0,8 а. л.).
28. Орлов В. В. Династические кризисы и проблемы престолонаследия в традиционном Марокко (XVIII–XIX вв.) // Арабские страны Западной

- Азии и Северной Африки (история, экономика и политика). – Вып. 5. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002. – С. 285-294 (0,6 а. л.).
29. Орлов В. В. Поклонение силам природы в магрибинском народном исламе // Человек и Природа в духовной культуре Востока. – Сб. научн. тр. – М.: Ин-т востоковедения РАН, «Крафт+», 2004. – С. 221-242 (1,0 а. л.).
 30. Орлов В. В. Марокко в арабских и европейских источниках (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. – Сб. ст. – Вып. XXI. – Под ред. Н. Н. Дьякова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 127-157 (1,4 а. л.).
 31. Орлов В. В. Дискуссия о суфизме в пост-альмохадском Магрибе (XIII–XV вв.): истоки, сюжеты и аргументы // *Meyeriana*. – Сб. научн. тр., посвящ. 70-летию М. С. Мейера. / В 2 т. – М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. – Т. 1. – С. 251-280 (1,3 а. л.).
 32. Орлов В. В. Медресе, мечеть и султанский дворец в маринидском Марокко (XIII–XV века): особенности идейно-культурного взаимодействия // Восхваление: Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается... – М.: Ключ-С, 2008. – С. 315-338 (1,2 а. л.).
 33. Orlov V. V. Moroccan Ulema and Pilgrims in Cairo: An Aspect of Intellectual Exchange in the Arab-Ottoman World of the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // *The Arab Lands in the Ottoman Era. Essays in Honor of Prof. C. Farah*. – Ed. by J. Hathaway. – Minneapolis: CEMH, 2009. – P. 169-186 (0,9 а. л.).
 34. Орлов В. В. Умеренные исламские партии на арабской политической сцене: пробы сил и оценки 2000-х годов // Исламский фактор в истории и современности. Под ред. В. Я. Белокреницкого, И. В. Зайцева, Н. Ю. Ульченко. – М.: Восточная литература, 2011. – С. 409-421 (0,8 а. л.).
 35. Орлов В. В. Марокко на фоне «арабских революций»: факторы устойчивости власти // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. – М.: Либроком, 2012. – С. 53-56 (0,4 а. л.).
 36. Орлов В. В. Марокко. Исторический очерк // Большая Российская Энциклопедия. Т. 19. Маниковский – Меотида. М.: БРЭ, 2012. – С. 187-192 (1,0 а. л.).